

ЧАСТЬ I
АЛХИМИК

Горы трупов сложат на площадях, и миллионы людей унесёт безлика смерть.

Города с миллионами жителей не найдут достаточно рук, чтобы хоронить умерших, а многие деревни будут перечёркнуты одним крестом.

Никакое лекарство не сможет остановить белую чуму.

Г. Распутин

4 июня 2026 года

Сверкая мигалками и подвывая сиреной, машина «скорой помощи» ворвалась во двор новой муниципальной больницы экстренной помощи города Ричмонд, штат Вирджиния. Такие больницы появились после пандемии COVID-19. Самое печальное (для властей США) было то, что большую часть времени они «проедали деньги бюджета». Хотя эта больница вовсе не простаивала: в ней постоянно принимали тех, кто не мог позволить себе медицинскую страховку. Помощь им, конечно, оказывалась в минимально необходимых пределах. Но маргинальный контингент пациентов и не особо чуткое отношение врачей уже снискали подобным больницам дурную славу.

Двое темнокожих медбратьев вытащили носилки с пациентом, укутанным в термоодеяло. Лицо пациента было в крови, на губах пузырилась розоватая пена. Навстречу санитарам вышел молодой врач — блондин, красивый, как ангел. В губах у ангела дымилась дешевая сигарета, пахнувшая плохим табаком и какой-то химией.

— Кого вы, черти, принесли? — поинтересовался доктор.

— Авария, — ответил один из санитаров. — На девяносто пятой вписался в отбойник, потом вылетел за ограждения, благо место ровное.

Олег РОЙ

— Сильно побился? — спросил врач.

— Да нет, — ответил санитар, видимо, тот, что был старше. — Пару ребер о руль сломал, морду раскроил, а больше ничего. Странно, что он без сознания. Может, что-то отбил?

— И давно он в таком состоянии? — уточнил врач.

— С того момента, как его нашли, — ответил медбрат.

— Странно, — зевнул доктор. — Везите его на панораму, посмотрим, что у него внутри.

И тут ожила система общего оповещения:

— Внимание, персонал, — сообщил приятный женский голос, — приготовиться к приему пациентов. Код — мейдей, Вашингтон, судя по всему, либо массовое отравление чем-то, либо, que la Santísima Virgen nos salve de esto, новая зараза. В Ди-си по больницам аврал, «скорые» велели отправлять в окрестные штаты.

Доктор сплюнул:

— Ну что за напасть! Раз в полгода какой-нибудь вирус. И ведь лето на дворе, не зима. Боже, храни Америку, — он взглянул на санитаров, все еще стоявших рядом с ним, — и чего вы ждете, чаевых? Или чтобы он сдох, пока вы прохлаждаетесь? Забыли, где у нас панораму делают?

Санитары поспешили убраться, унося с собой пациента.

— Зарегистрировать его не забудьте! — крикнул им вслед доктор. — Документы-то у него есть?

Санитары не ответили.

У нового пациента документов не было. Машина, на которой он разбился, была взята в каршеринг по левому кьюар-коду — так делали многие. Смартфон пациента в ходе аварии разбился, превратившись в труху при ударе о руль.

И не только смартфон. Если бы санитары знали, что именно они привезли в больницу...

Будем как боги

Если бы доктор знал, провожая взглядом своих подопечных, что жить им осталось меньше недели.

Как и ему самому. Впрочем, как и большинству жителей города Ричмонд, штат Вирджиния.

Декабрь 2025 года

Тед Орлофф думал о ритуалах.

Почта давным-давно стала электронной. На его почтовый ящик ежедневно приходят сотни писем. Половина из них — счета. Другая половина — разного рода спам, реклама явная и скрытая. Впрочем, последнюю категорию отсеивает специальное «сито» спам-фильтров, прорывается через него немного. Между спамом и спам-фильтрами идет нешуточная война, как между вирусами и антибиотиками. Бр-р... плохое сравнение.

Иногда на почту приходит какая-то рассылка, на которую подписывался хозяин ящика. Порой по почте могут срочно сбросить черновик документа. Но все самое важное все равно передается на бумаге, хотя первая четверть XXI века закончилась. Цифровая экономика? Интернет вещей? Ну-ну. А все важное по-прежнему доверяют бумаге.

Или, в данном случае, картону.

Тед порылся по карманам. Бумажник он не носил, только кредитницу. Когда последний раз держал в руках наличные? А бог его знает. Он же не мафиози. Честные люди расплачиваются кредитками. Честных — большинство, так что наличный доллар, сильно подешевевший, но все еще являющийся одной из признанных мировых валют, в основном ходил в слаборазвитых странах Африки и Юго-Восточной Азии, где ему пока доверяли. К счастью, у Теда завалилась сотенная. Он достал ее и передал курьеру.

Олег РОЙ

— Надеюсь, там не сибирская язва? — улыбнулся он. Курьер-афроамериканец ощерился во все тридцать два зуба:

— Если б там была сибирка, хрена с два я бы это повез, — сказал он. — Я себе не враг. И денег мне, кстати, не надо.

— А ты знаешь, что там? — удивился Тед. Афроамериканец вновь продемонстрировал ряд прекрасных белых зубов:

— А то! Там приглашение. А вот куда — не скажу, это очень круто. Предлагаю ознакомиться лично. Можно в моем присутствии, если, правда, боитесь споров какой-то гадости.

— А откуда тебе известно, что в конверте, бро? — манера держаться у курьера нравилась Теду. Никакой наигранности, никакого внутреннего напряжения. Он, как хороший актер, играл роль... и Тед решил ему подыграть.

— А, так я не представился, — заметил курьер. — Меня зовут Скайуокер Браун, я студент Весткост Менеджмент, а главное — член «Стигмы-три».

При этом темнокожий джедай стащил с левой руки перчатку и продемонстрировал Теду перстень, на котором причудливо переплетались три греческие буквы стигма — не очень известные буквы, которые, как правило, не фигурировали в названии почетных обществ, или, как их называли, обществ греческих букв.

Именно поэтому четверть века назад молодой, бедный, но очень амбициозный югославский студент, до этого тщетно пытавшийся вступить в какое-то из почетных студенческих сообществ, выбрал их для своего собственного.

И у Теда был точно такой же перстень, правда, больше по размерам.

— А номер-то у тебя какой? — спросил Тед, широко улыбаясь.

Будем как боги

— Триста восемьдесят один, — ответил Скайуокер. — А у вас — тройка. Потому я к вам и приехал — триста восемьдесят один равняется трем.

На каждом курсе членами «Стигмы-три» могли стать только восемнадцать студентов — потому, что из двух сотен однокурсников Гарри Фишер в свое время сумел привлечь только восемнадцать. Тед был третьим, кто по приколу решил присоединиться к «древнему и почетному» обществу. Но с тех пор успел выпуститься уже двадцать один курс. А в двадцать втором потоке третьим членом общества стал Скайуокер. Тед по-новому посмотрел на своего курьера — вступить в «Стигму-три» было непросто. Места в этом обществе не продавались, как в других. Ни деньги, ни связи — только сила личности, какой-то особый талант могли открыть двери в тайники «Стигмы-три». Но оно того стоило: кроме особой стипендии от самого Гарри Фишера (которую тот выплачивал, даже когда весь его бизнес лёг в глубокий нокдаун после авантюры с кометой), членство в обществе гарантировало связи, открывавшие двери в почти любые кабинеты, от Овального до закрытых совещательных комнат Пентагона, Лэнгли, Уолл-стрит...

Для таких, как Тед или Скайуокер, это было равносильно тому, чтобы поймать за хвост золотую рыбку. Тед был уверен, что его курьер родом из какой-то дыры вроде Бронкса или вообще откуда-то из штатов Скалистых гор. Он сам был из семьи русских эмигрантов с Брайтон-Бич. Его отец не был никаким Орлоффом, он, наверно, даже Орловым не был — мать приехала в США уже беременной, и личность отца так и осталась для Теда, урождённого Федора Орлова, абсолютной загадкой. Мать носила прозаическую фамилию Рябец. В принципе, американцам всегда было пофиг, Орлофф ты или Рябец — все равно шансы куда-то пробиться и чего-то добиться у тебя были мизерные.

Олег РОЙ

Но Тед пробился, добился и в свои сорок семь был директором департамента в... впрочем, не важно где. Он здоровался за руку с сенаторами, играл в гольф с конгрессменами и иногда встречался на рождественском молебне в Белом доме с кем-то из «Стигмы-три». Но никогда не забывал, что для него сделало их почти шутовское тайное общество. И лично Гарри Фишер.

С самим Гарри он говорил лишь однажды с момента их выпуска. Это случилось через пару месяцев после кометы. Тед взял чартер в Гаагу, где находился Гарри, арестованный по делу Ройзельмана. Он предложил Гарри своих адвокатов. Тот отказался:

— Не хватало еще, чтобы и ты замазался.

Тед настаивал, Гарри не уступал, наконец, Орлофф сдался и сказал, что, если что-то будет нужно, пусть Гарри обращается к нему непосредственно. А потом вызнал по своим каналам номер его счета и перевел туда шестьдесят миллионов юаней с одного из своих анонимных счетов. И искренне надеялся, что Гарри об этом не узнает...

— И что же, все семнадцать встретятся со своими наследниками? — спросил он у Скайюокера.

— Кроме шестого, — кивнул тот.

— Ах, да... — Тед и забыл совсем. Их номер шесть, Вальтер Пискорский, блестящий политик, баллотировавшийся в сенат от Демократической партии, неожиданно покончил с собой. Почему — так и осталось тайной; слухов было много, но достоверной информации по этому делу не смог раздобыть даже Тед, хотя на свои источники он никогда не жаловался.

— Не будем о грустном, — заметил Скайюокер. — Если вы не хотите, чтобы я присутствовал при вскрытии пакета, я, пожалуй, пойду...

— Постой, — сказал Тед. — У тебя мобилка с собой?

Будем как боги

— Кто ж в наше время без коммуникатора? — Скайуокер закатал рукав, показывая браслет — последний писк смартфонной моды. — А что?

— Запиши мой номер, — сказал Орлофф. Скайуокер смутился, но, вызвав виртуальную клавиатуру, записал продиктованные цифры. — Скоро у тебя выпуск. Каким бы крутым ты ни был, наверху будут видеть молодого афроамериканца с большими амбициями. А если «Стигма-три» дробь три скажет волшебное слово — предвзятый взгляд может измениться. Какого черта? Обязательно изменится. Ты знаешь, кто я, — Скайуокер кивнул, — знаешь, что значит мое слово. Будут затруднения — звони, только по пустякам не тревожь. Сначала попытайся сам, а не получится — вот тогда и звони.

— Очень вам обязан, — кивнул афроамериканец. — Я... простите, я пошлю вам эсэмэс, возможно, и я вам чем-то пригожусь?

— Деловой подход, — согласился Тед. — Ну, давай. В стране, откуда я родом, говорили: молодым везде у нас дорога.

— Старикам везде у нас почет, — на «фонетическом» русском ответил Скайуокер. Тэд улыбнулся:

— А ты неплохо подготовился! Двигай давай, шлимазл! Бывай здоров!

— И вам не хворать, — кивнул посыльный, спрыгивая со ступеней крыльца на глайдер. — Кстати, мы с вами еще встретимся, если вы примете предложение.

«Предложение?» — Тед проводил взглядом удаляющегося курьера, и поспешил в дом — ему не терпелось узнать, что новенького придумал Гарри. Он всегда был таким фантазером... порой это подводило его под монастырь, как в случае с Ройзелеманом, но в целом оправдывало себя.

Олег РОЙ

Январь 2026 года

Борис Койн был доволен собой.

Родители Бориса были стоматологами. Они всегда стремились дать сыну главное в жизни, с их точки зрения, — хорошее образование. А Боря любил своих папу и маму, старался их не огорчать, потому учился прилежно, прямо скажем, от души. Учиться хотелось не всегда. Иногда его тянуло к другим ребятам, в компанию. Но Боря делал над собой усилие — и возвращался к наукам, особенно к своим любимым — биологии и химии. Химия и биология давались ему легко.

После школы его звезда засияла ярче. Сначала бакалаврат и пре-мед в Университете Нью-Гемпшира, сданные с первого раза на очень высокий балл. Потом медицинская школа со стипендией. Потом резидентура. Но еще в медицинской школе его заметила одна из солидных, уважаемых корпораций — «Вита Нова», основанная выходцем из Европы Гарри Фишером.

Фишер был уникален — поднявшись с самого низа, он основал транснациональную корпорацию «Фишер групп», привлек на свою сторону опального гения, Льва Ройзельмана, но дал ему чересчур много свободы. В результате Ройзельман едва не подвел Фишера под монастырь, а «Фишер групп» обанкротилась. После такого удара другой бы уже не поднялся, но не Фишер.

А Гарри Фишера это не сломило, хоть и подорвало ему здоровье. Он из пепла возродил свою компанию, и, уже под новым названием, она отвоевала свой сегмент на рынке кибернетического протезирования и сложной генно-инженерной фармакологии. В частности, структурных наноботов, разработкой которых как раз и увлекся Борис.

Боря рассчитывал привлечь внимание босса, даром, что их разделяло много ступеней пирамиды «Вита Нова». Бо-

Будем как боги

рис Койн находился в самом низу. Гарри Фишер — на сияющей вершине. Их объединяла разве что принадлежность к почетному обществу «Стигма-три», бессменным президентом которого являлся как раз Фишер.

Борис не пытался как-то рекламировать себя. Он работал, пытаясь привлечь внимание своими успехами, при этом зная, что его достижения буквально пожирало его непосредственное начальство. Но он верно оценил своего работодателя. С Фишером он даже не встречался, но в один прекрасный день его бывший непосредственный руководитель оказался его подчиненным. Продлилось это, правда, недолго — Борису выделили собственную лабораторию и собственный фронт работ.

Весьма интересный фронт работ, между прочим. Борис был ученым и никогда, действительно, не задумывался над этической стороной того, что делает. Он, как доктор Франкенштейн на наноуровне, созидал жизнь из мертвых частей. Борис строил наноботов — квазиживых организмов, выполняющих определенную функцию. Его шедевром был разработанный «Вита Нова» «убийца зубных щеток» — нанофаг, живущий в ротовой полости и очищающий ее от остатков еды. Крохотный прожорливый робот с нехитрым именем ТВК стал триумфом; вместе с тем Борис постоянно его совершенствовал. За ТВК последовали другие, например наноботы, очищающие вдыхаемый воздух. Гадости в воздухе мегаполиса хватало, и «модельный ряд» этих крохотных помощников респиратора постоянно расширялся.

С ТВК началась еще одна история, которой суждено было закончиться очень плохо. Это выглядело как невинный эксперимент — создание кариозного вируса, способного преодолеть защиту «убийцы зубных щеток». Борис, конечно, справился. Потом образец суперкариеса куда-то исчез, а через какое-то время инфекция стала распростра-